

КНИГИ ДЖОДИ ПИКОЛТ

Девятнадцать минут

Простая правда

Второй взгляд

Сохраняя веру

Новое сердце

Время уходить

Ангел для сестры

Клятва. История любви

Книга двух путей

Рассказчица

Домашние правила

Хочу, чтобы ты был здесь

Обращаться с осторожностью

Одинокий волк

ДЖОДИ ПИКОЛТ

ОБРАЩАТЬСЯ
С ОСТОРОЖНОСТЬЮ

РОМАН

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
П 32

Jodi Picoult
HANDLE WITH CARE
Copyright © 2009 by Jodi Picoult
Originally published by Atria Books, a Division of Simon & Schuster Inc.
All rights reserved

Перевод с английского Юлии Белолопотко
Оформление обложки Ильи Кучмы, Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-24132-9

© Ю. Белолопотко, перевод, 2022
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

*Посвящается Марджори Роуз.
От ее взгляда распускаются цветы,
с ней можно посплетничать с другого конца света,
а из дому она не выйдет без адвокатского портфеля*

И ты получил то, что хотел от этой жизни?

Получил.

И чего ты так хотел?

Быть любимым, чувствовать себя любимым на этой земле.

Реймонд Карвер. Поздний фрагмент

ΠΡΟΛΟΓ

Шарлотта

14 февраля 2002 года

Все кругом постоянно разрушается. Бьются стаканы, посуда, автомобили. Ломаются ногти и картофельные чипсы. Можно расторгнуть договор, побить рекорд, укротить нрав лошади или снизить курс доллара. Можно разбить или растопить лед. Можно прерваться на кофе или ланч, вырваться на свободу из тюрьмы. А еще есть рассветы, волнорезы, надломленный голос. Можно разбить цепи. Или нарушить тишину — навсегда.

Последние два месяца беременности я составляла списки подобных вещей в надежде, что роды пройдут легче.

Можно нарушить обещание.

Разбить сердце.

В ночь перед твоим рождением я сидела на кровати и думала, что бы еще добавить к списку. Порылась в тумбочке в поиске карандаша и бумаги, но тут Шон накрыл мое колено теплой ладонью:

— Шарлотта? Все хорошо?

Не успела я ответить, как он крепко прижал меня к себе. Так я и уснула с полным ощущением безопасности, забыв записать свой сон.

Несколько недель спустя, когда ты уже появилась на свет, я вспомнила, что разбудило меня той ночью: линии раскола. Такие места, где трескается земля. Точки, от которых берет начало землетрясение, где зарождаются вулканы. Другими словами: мир крошится, а твердая почва уходит из-под ног.

Ты родилась в бурю, которую никто не ждал. «Норд-ост», — сказал позже метеоролог, снежная буря, которая шла на север, в Канаду, но вместо этого сменила курс и выплеснула свою ярость на побережье Новой Англии. Новостные ленты убрали репортажи о возлюбленных, которые знали друг друга со школьной скамьи, а встретились снова в доме престарелых и поженились, легенды о сердцах, за которыми стоит история праздника, и вместо этого принялись давать сводки погоды о силе бури, о тех районах, которые остались без электричества из-за непогоды. Амелия сидела за кухонным столом, вырезая из сложенной бумаги валентинки, а я смотрела, как снег собирается в шестифутовые сугробы возле стеклянной двери. По телевизору показывали автомобили, съехавшие с трасс.

Я сощурилась, вглядываясь в экран, рассматривая мигающий синими огнями полицейский внедорожник, подъехавший к перевернутому автомобилю, стараясь понять, не был ли тем офицером в кресле водителя Шон.

От резкого удара по стеклу я вздрогнула.

— Мамочка! — взвизгнула Амелия.

Я повернулась и увидела очередной поток града, от которого на толстом стекле осталась выбоина не больше моего ногтя. Мы смотрели, как она разрастается, становясь величиной с мой кулак.

— Папа все починит позже, — сказала я.

В этот момент у меня отошли воды.

Амелия посмотрела мне под ноги:

— Кажется, авария.

Я, пошатываясь, пошла к телефону, а когда Шон не ответил, позвонила диспетчеру:

— Это жена Шона О'Кифа. У меня начались роды.

Диспетчер предложила прислать бригаду «скорой помощи», но это могло занять некоторое время: участок завалили вызовами из-за дорожных аварий.

— Все хорошо, — сказала я, вспоминая долгие роды с твоей сестрой. — Думаю, еще есть время.

Внезапно я согнулась пополам от такого сильного спазма, что телефон выпал из моих рук. Амелия смотрела на меня круглыми глазами.

— Все в порядке, — соврала я, улыбнувшись так сильно, что заболели лицевые мышцы. — Просто выскользнул телефон.

Я дотянулась до трубки и на этот раз позвонила Пайпер, которой доверяла как никому, не сомневаясь, что только она меня выручит.

— Роды не могли так скоро начаться, — сказала Пайпер, хотя все прекрасно понимала: она была не только моей лучшей подругой, но и акушером-гинекологом. — Кесарево запланировано на понедельник.

— Вряд ли малышка получила напоминание, — ахнула я и стиснула зубы после очередного спазма.

Пайпер не произнесла вслух, о чем мы обе думали: я не могла родить тебя естественным путем.

— Где Шон?

— Я... не... зна-а-аю, Пайпер!

— Дыши, — отозвалась она, и я стала дышать, произнося «ха-ха-хи-хи», как она учила меня. — Позвоню Джианне и скажу, что мы едем.

Джианна, вернее доктор Дель Соль, была акушером-гинекологом из перинатального отделения, которая приехала к нам восемь недель назад по просьбе Пайпер.

— Мы?

— Ты планируешь поехать сама?

Через пятнадцать минут я отделалась от вопросов твоей сестры, усадив ее на диван и включив «Подсказки Бульки». Сама села рядом, накинув зимнее пальто твоего отца, единственное, которое подходило мне по размеру на тот момент.

В первые мои роды сумка уже стояла упакованной возле дверей. У меня был четкий план, я даже прихвати-

ла с собой в приемную музыкальное попури. Я знала, что будет больно, но награда превосходила ожидания: встретиться с ребенком, которого мне не терпелось увидеть несколько месяцев. В первые роды я была так воодушевлена.

Сейчас же я пребывала в ужасе. Внутри тебе было безопаснее, чем снаружи.

В этот момент открылась дверь, и Пайпер моментально заполнила пространство уверенным голосом и ярко-розовой паркой. Позади плелся ее муж Роб, держа на руках Эмму, которая, в свою очередь, несла снежок.

— «Подсказки Бульки»? — спросил Роб, устраиваясь рядом с твоей сестрой. — Знаешь, что это мое самое любимое шоу... после шоу Джерри Спрингера?

Амелия. Я даже не подумала, кто присмотрит за ней, пока я буду в больнице.

— Какая периодичность? — спросила Пайпер.

Схватки были каждые семь минут. Когда накатил очередная волна спазмов, я вцепилась в подлокотник дивана и принялась считать до двадцати. Все это время я смотрела на трещину в стеклянной двери.

От нее разбегались морозные узоры: зрелище, одновременно завораживающее и пугающее.

Пайпер села рядом и взяла меня за руку.

— Шарлотта, все будет хорошо, — пообещала подруга, и я наивно поверила.

В приемном отделении скопились пострадавшие в авариях из-за бурана. Мужчины прикладывали к голове окровавленные полотенца, дети хныкали, сидя на носилках. Пайпер провела меня мимо всех, направляясь в родильное отделение, где по коридору уже расхаживала доктор Дель Соль. В течение десяти минут мне сделали эпидуральную анестезию и отвезли на кресле в операционную для кесарева сечения.

Я занималась умственными упражнениями: если на потолке в коридоре окажется четное количество люминесцентных ламп, Шон приедет вовремя. Если в лифте мужчин больше, чем женщин, все, что сказали мне врачи, — ошибка. Мне даже не пришлось ни о чем просить Пайпер, она накинула на плечи медицинский халат и вписала Шона как сопровождающего в родах.

— Он приедет, — сказала она, глядя на меня сверху вниз.

Операционная отличалась стерильностью и хромовым блеском. Между маской и шапочкой медсестры только сверкали зеленые глаза. Женщина задрала мою рубашку и протерла живот бетадином. Я запаниковала, когда передо мной появилась стерильная занавеска. А если анестезии в нижней части тела недостаточно и я почувствую скальпель? А если, несмотря на все мои надежды, ты появишься на свет и не выживешь?

Наконец дверь распахнулась. Шон влетел в комнату, принес с собой холодный зимний воздух. Муж прижимал к лицу маску, кое-как набросив на себя медицинский халат.

— Дорогая, прости! Я приехал сразу же, как узнал... Пайпер похлопала Шона по руке.

— Трое — это уже толпа, — сказала она, отходя от меня, но прежде пожала руку.

В следующую секунду Шон оказался рядом, согревая ладонями мои плечи. Его мелодичный голос отвлекал от доктора Дель Соль и скальпеля.

— Ты меня так перепугала, — сказал муж. — О чем вы только с Пайпер думали, когда поехали сами?

— А лучше, чтобы ребенок родился на кухонном полу?

Шон покачал головой:

— Могло случиться нечто ужасное.

Под белой тканью появилось тянущее чувство, я резко вобрала воздух в легкие, повернув голову в сторону.

И в этот момент я увидела: крупный снимок двадцать седьмой недели, семь переломанных костей, конечности, свернутые, как листья папоротника. «Нечто ужасное уже случилось», — подумала я.

И тут ты заплакала, хотя тебя подняли так, словно ты сделана из сахарной ваты. Но это был не пронзительный чистый крик новорожденного. Ты орала так, будто тебя разрывают на части.

— Осторожнее, — сказала доктор Дель Соль медсестре. — Нужно держать целиком...

Что-то треснуло, словно лопнул пузырь, и вопреки всему ты закричала еще сильнее.

— Боже! — на грани истерики произнесла медсестра. — Это перелом? Это я сделала?

Я постаралась взглянуть на тебя, но могла различить лишь красную полоску рта и горящие щеки.

Команда врачей и медсестер, которые собрались вокруг, не могла успокоить тебя. Наверное, до самого первого твоего крика в глубине души я верила, что все УЗИ, тесты и диагнозы были ошибочными. До самого первого твоего крика я переживала, что не полюблю тебя.

Шон выглянул из-за плеч докторов.

— Она идеальна, — сказал он, поворачиваясь ко мне, но вместо утверждения его слова звучали вопросительно, как поджатый хвостик щенка, ожидавшего одобрения.

Идеальные малыши не плачут так, что у тебя рвется из груди сердце. Идеальные малыши такие внешне и внутренне.

— Не трогайте ее руку, — пробормотала медсестра.

А потом еще одна: «Как ее запеленать, если я не могу даже прикоснуться?»

Все это время ты плакала, орала на такой высокой ноте, какую я еще не слышала.

— Уиллоу, — прошептала я имя, на котором мы сошлись. Мне пришлось убеждать Шона. «Я не согла-

сен, — сказал он. — Это же значит „плакучая ива“. Но мне хотелось дать тебе девиз, имя дерева, которое гнется, но не ломается.

— Уиллоу, — снова прошептала я, и среди этой какофонии — голосов медицинского персонала, гудения приборов и твоего пронзительного от боли крика — ты слышала меня.

— Уиллоу, — сказала я громко, и ты повернулась к источнику звука, будто это слово было сродни моим объятиям. — Уиллоу, — повторила я, и ты перестала плакать.

Когда я была на пятом месяце беременности, мне позвонили из ресторана, где я тогда работала. Мать главного кондитера сломала бедро, а в тот вечер ждали ресторанный критик из «Бостон глоуб», и меня учтиво попросили: не могу ли я прийти и приготовить шоколадный мильфей с пряным шоколадным мороженым, авокадо и банановым брюле?

Признаюсь, я повела себя эгоистично. Я казалась себе нерасторопной и толстой, и мне хотелось вспомнить, что раньше я могла не только играть в «поймай рыбку» с твоей сестрой и рассортировывать белье на светлое и темное. Оставив Амелию с няней-подростком, я поехала в «Каперс».

Кухня нисколько не изменилась за годы моего отсутствия, хотя новый шеф-повар переставил все в кладовке. Я немедленно расчистила для себя рабочую поверхность и взялась за слоеное тесто. Где-то в середине процесса я уронила кусочек масла, нагнулась поднять его, чтобы никто не поскользнулся и не упал. Стоило мне податься вперед, и я поняла, что уже не могу согнуться пополам, как раньше. Ты притаилась внутри, заставив меня тоже замереть.

— Прости, детка, — громко сказала я и выпрямилась.

Теперь я думаю: возможно, именно тогда ты получила семь переломов? Я уберегла другого человека от падения, но причинила вред тебе?

Ты появилась на свет в начале четвертого, но я не видела тебя до восьми вечера. Каждые полчаса Шон уходил, чтобы узнать новости. «Она на рентгене. У нее берут кровь на анализ. Они думают, что у нее перелом лодыжки». В шесть часов он принес хорошие вести: «Третий тип, — сказал он. — У нее семь заживающих переломов и четыре новых, но она прекрасно дышит». Я лежала на больничной койке и безудержно улыбалась, думая, что я, наверное, единственная мать в родильном отделении, которая рада подобным новостям.

Уже два месяца, как мы знали, что ты родишься с болезнью несовершенного остеогенеза — НО. Эти две буквы алфавита прочно войдут в наш обиход. Из-за недостатка коллагена кости становятся столь хрупкими, что ломаются от простого толчка, поворота, сжатия. Существует несколько типов, но только при двух переломах заметны в утробе, что мы и увидели на УЗИ. Специалист так и не смогла установить, был ли у тебя второй тип, фатальный при рождении, или третий, тяжелый и деформирующий. Я узнала, что за несколько лет ты можешь пережить сотни переломов, но сейчас меня это не волновало: впереди у тебя целая жизнь, чтобы перенести это.

Когда буран немного улегся, Шон уехал домой за твоей сестрой, чтобы она могла с тобой встретиться. Я наблюдала за доплеровским радаром: тот отслеживал передвижение снежной бури с юга, которая переходила в ледяной дождь, парализовавший аэропорты в Вашингтоне на целых три дня. В дверь постучали, и я с трудом поднялась; по швам пробежала жгучая боль.

— Привет, — сказала Пайпер, заходя в комнату и садясь на край кровати. — Я слышала новости.

— Знаю, — ответила я. — Нам повезло.

Она помедлила, после чего улыбнулась и кивнула:

— Ее скоро принесут.

В эту секунду медсестра вкатила в палату детскую кроватку и прошептала:

— А вот и мамочка!

Ты спала на спинке, на волнообразной пенистой клетке для яиц, которой покрыли дно пластиковой кроватки. На твоих крошечных ручках и на левой лодыжке были бинты.

Чем взрослее ты будешь, тем легче будет понять, что у тебя НО. Знающие люди увидели бы это по изгибу рук и ног, по треугольной форме лица и маленькому росту, ведь ты никогда не вырастешь выше трех футов, но тогда, даже с твоими бинтами, ты выглядела безупречной. Кожа бледно-персикового цвета, крошечный ротик, похожий на малинку. Пушистые золотистые волосики, ресницы длиной с мой ноготь. Я хотела прикоснуться к тебе, но, опомнившись, убрала руку.

Я так жаждала твоего спасения, что не думала о предстоящих трудностях. Да, я родила прекрасную дочку, но хрупкую, как мыльный пузырь. Будучи твоей матерью, я обязана была защищать тебя. Но что, если я только причину тебе вред?

Пайпер и медсестра обменялись взглядами.

— Хочешь обнять ее? — спросила подруга и просунула руку под пенистую подложку, а медсестра приподняла края, наподобие крыльев, чтобы поддержать твои ручки.

Очень медленно они устроили пену на моей согнутой руке.

— Эй! — прошептала я, придвигая тебя ближе.

Моя рука, пойманная в ловушку, коснулась жесткого края пенистой подложки. Сколько же времени должно пройти, прежде чем я смогу коснуться твоей влажной кожи? Я вспомнила о тех днях, когда в младенчестве пла-

кала Амелия и я забирала дочь к себе в кровать и засыпала в обнимку, боясь перекатиться на бок и задеть ее. Но с тобой другое дело: достав тебя из кроватки, я могла причинить вред. Даже когда гладила по спинке.

Я подняла голову и посмотрела на Пайпер:

— Может, тебе стоит взять ее...

Пайпер опустила тебя рядом со мной и провела пальцем по твоей заостренной головке:

— Шарлотта, она не сломается.

Мы обе знали, что это ложь, но, прежде чем я смогла что-то ответить, в комнату ворвалась Амелия, в заснеженных варежках и шерстяной шапке.

— Она здесь, она здесь! — пропела твоя сестра.

В тот день, когда я рассказала ей о тебе, Амелия спросила, успеешь ли ты родиться к обеду. Я ответила на это, что придется подождать где-то пять месяцев, и она решила, что это слишком долго. Тогда Амелия сделала вид, будто ты уже появилась на свет: носила повсюду свою любимую куклу и называла ее Сисси. Когда Амелия уставала или отвлекалась, то роняла куклу головой вниз, а твой отец смеялся. «Хорошо, что можно потренироваться», — говорил он.

Шон заполнил собой дверной проем, а Амелия забралась на постель, устраиваясь у Пайпер на коленях, чтобы оттуда дать свою оценку.

— Она слишком маленькая, чтобы покататься со мной на коньках, — сказала Амелия. — И почему она выглядит как мумия?

— Это ленточки, — сказала я. — Как на подарке.

Впервые я солгала, чтобы защитить тебя, и, словно бы все понимая, ты проснулась в этот самый момент. Ты не плакала, не извивалась.

— Что с ее глазами? — ахнула Амелия, когда мы увидели визитную карточку твоего заболевания: белки глаз отдавали холодной синевой.

В середине ночи на дежурство заступила другая смена. Мы с тобой спали, когда в комнату зашла медсестра. Я вынырнула из сна, зацепившись взглядом за форму, бейдж с именем, пушистые рыжие волосы.

— Подождите, — сказала я, когда она потянулась к моему одеяльцу. — Поосторожнее.

Она снисходительно улыбнулась:

— Спокойнее, мамочка! Я уже десять тысяч раз проверяла подгузник.

Но это было до того, как я научилась быть твоим голосом. Когда она развернула одеяло, то потянула слишком резко. Ты перекатилась на бочок и пронзительно закричала — не захныкала, как совсем недавно, когда была голодна. Это напоминало тот душераздирающий крик, как в момент твоего рождения.

— Вы сделали ей больно!

— Ей просто не нравится просыпаться посреди ночи.

Для меня не было ничего хуже твоего плача, но затем твоя кожа посинела под стать глазам, а дыхание стало прерывистым. Медсестра склонилась над тобой со стетоскопом.

— Что случилось? Что с ней? — требовательно спросила я.

Она нахмурилась, прислушиваясь к твоей груди, и вдруг ты обмякла. Медсестра нажала на кнопку позади моей койки.

— Синий код, — услышала я, и крохотную комнату вдруг наполнили люди, хотя была глубокая ночь. Слова вылетали из их уст, как ракеты: «гипоксия... газовый состав артериальной крови... SO_2 ¹ сорок шесть процентов... следим за FIO_2 ².

— Начинаю закрытый массаж сердца, — сказал кто-то.

— У нее НО.

¹ Оксид серы. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² Фракция кислорода во вдыхаемой газовой смеси.

— Лучше жить с переломами, чем умереть без них.
— Нам нужен переносной аппарат для рентгена органов груд...

— Нет смысла ждать рентгена. Возможен напряженный пневмоторакс...

Между мельтешащими колоннами тел я мельком увидела иглу, которая погрузилась под твои ребра, а следом кожи коснулся скальпель, выпустив капельку крови, потом в твою грудь погрузилась длинная трубка. Я следила за тем, как ее зашивают и как она торчит из тельца.

К приезду Шона, который забежал с широко распахнутыми глазами, тебя перевели в ОИТН¹.

— Они разрезали ее, — всхлипнула я не в силах подобрать иных слов.

Когда он притянул меня к себе, я наконец дала волю слезам, которые все это время от страха держала внутри.

— Мистер и миссис О'Киф? Я доктор Роудс.

В палату заглянул мужчина, похожий на студента, и Шон стиснул мою ладонь.

— С Уиллоу все в порядке? — спросил Шон.

— Мы можем ее увидеть?

— Скоро, — сказал доктор, и комок внутри меня немного ослаб. — Рентген грудной клетки зафиксировал перелом ребра. Несколько минут у нее была гипоксия, что вызвало расширяющийся пневмоторакс, результирующее смещение средостения и остановку сердца и дыхания.

— Ради всего святого, говорите по-человечески! — проревел Шон.

— Она была без кислорода несколько минут, мистер О'Киф. Ее сердце, трахея и главные артерии сместились на противоположную сторону тела из-за воздуха, который заполнил грудную полость. Трубка в груди поможет органам вернуться на место.

¹ Отделение интенсивной терапии новорожденных.

Пиколт Дж.

П 32 Обращаться с осторожностью : роман / Джоди Пиколт ; пер. с англ. Ю. Белолопотко. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 608 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-24132-9

В маленьком городке в Нью-Гэмпшире живет, казалось бы, самая обычная семья: папа, мама и две дочери. Но к несчастью, младшая дочь, пятилетняя Уиллоу, страдает редким генетическим заболеванием, и любое неосторожное движение может привести к перелому. А потому жизнь Шона и Шарлотты О'Киф состоит из бессонных ночей, растущих счетов, унижительной жалости других родителей и навязчивых мыслей о том, что, если... Что, если бы Шарлотта знала о болезни дочери до ее рождения? Что, если бы все было иначе? Что, если бы их любимая Уиллоу никогда не родилась? И насколько ценна каждая человеческая жизнь? И вот в мучительной попытке свести концы с концами, чтобы покрыть расходы на лечение дочери, Шарлотта решается на отчаянный шаг. Она предъявляет иск о неправомерном рождении своему врачу, не предупредившему ее заранее, что ребенок родится с тяжелой инвалидностью. В случае удачного исхода дела денежные выплаты смогут обеспечить уход за Уиллоу до конца жизни девочки. Перед Шарлоттой возникает сложная морально-этическая проблема, ведь врач, с которым она решает судиться, ее лучшая подруга...

«Обращаться с осторожностью» — это берущий за душу роман, в котором поднимается проблема ценности человеческой жизни и того, на что мы готовы пойти, чтобы ее защитить.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Литературно-художественное издание

ДЖОДИ ПИКОЛТ
ОБРАЩАТЬСЯ
С ОСТОРОЖНОСТЬЮ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Элеонора Шорина
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректоры Елена Терскова, Юлия Теплова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 12.09.2023. Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 26,79. Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Н-МВВ-33093-01-Р